

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 902; 94(470)

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР В 1910–1920-е гг.: ОПЫТ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© **Нина Сергеевна ЦИНЦАДЗЕ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
докторант, кафедра всеобщей и российской истории,
e-mail: ninatsintsadze2010@yandex.ru

На основе сплошного изучения опубликованных нормативных и административных актов первых лет советской власти (1917–1921 гг.) исследованы особенности восприятия государственной властью демографических и экологических проблем российской деревни в переломный момент перехода от традиционного к индустриальному типу общества. Анализ более сотни выявленных документов по данной тематике позволил объективно оценить уровень осознанности и заинтересованности советской власти в решении демографических и экологических проблем. В результате сделаны выводы о том, что катастрофического восприятия экологических проблем со стороны власти не было, экологические вопросы использования природных ресурсов в сельском хозяйстве решались властями наряду с прочими аграрными вопросами. Демографические проблемы не являлись самостоятельными и были частью социально-экономической политики. Насущными задачами были максимальное увеличение посевной площади с целью решения продовольственной проблемы, сдерживание населения в границах Центральной России для обработки земли и восстановления сельского хозяйства, вырубка лесов на экспорт. Вопросы разумного природопользования, как и в «царское» время, откладывались на потом. Несмотря на это, уже в конце 1910–1920-х гг. можно обнаружить тенденцию к обособлению некоторых экологических проблем в государственной внутренней политике.

Ключевые слова: позднее аграрное общество России; демографический кризис; экологический кризис; декреты советской власти; советское общество.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-53-67

Академическое восемнадцатитомное издание законодательных актов первых лет (1917–1921 гг.) советской власти в России является ценнейшим источником по политической, социально-экономической, культурной истории страны того периода. Оно издавалось с перерывами на протяжении чуть более полувека с 1957 по 2009 г. и насчитывает более чем 5,5 тыс. документов. Многие из них печатались впервые, что придает этому изданию археографическую и источниковедческую уникальность. Есть в нем и информация, отражающая реакцию власти на демографические и экологические проявления и последствия сельскохозяйственных кризисов и аграрных проблем в государстве. Причем реакция понимается нами широко: как статичное восприятие-фиксация того или

иного социоестественного явления, так и практически действенное. Законодательный источник в этом смысле лучше всего демонстрирует емкость и многосторонность такого восприятия-действия – ведь в нем отразилась проблема, по поводу которой принимался нормативный акт, и ее властное решение.

Надо иметь в виду, что экологическая проблематика тогда, в условиях недавней победы большевиков в политической борьбе, ожесточенной Гражданской и завершавшейся Первой мировой войной, не была приоритетной. Казалось бы, что власть должна была больше беспокоиться о решении продовольственного вопроса, застарелого земельного, нежели о сохранении лесов, лугов, восстановлении экосистемы и пр. Ведь гибли люди, рушилась старая жизнь, и в этом сломе было

не до этого. Однако в постановлениях властных и партийных органов мы все же обнаружили вкрапления демоэкологических мотивов. Они в большей мере были не на первом плане, а в связи с необходимостью решения многочисленных хозяйственно-экономических проблем. Однако их присутствие позволяет проанализировать и названный исторический источник, и действия советской власти под новым углом зрения социоестественной и демографической истории.

Напомним, что правом издавать законы в те годы обладали все высшие органы государственной власти: съезды Советов РСФСР, ВЦИК и его Президиум, СНК и СТО (Совет труда и обороны). Нередко ВЦИК и СНК принимали законы совместно. Центральные правительственные ведомства (ВСНХ, наркоматы и др.) были наделены правом законодательной инициативы, что отражалось в подготовке ими проектов будущих законоположений, а также издания распорядительных актов по вопросам своего ведения [1, с. 15-16]. Распространенной формой законодательного акта стал декрет и классическое постановление, издаваемые высшими органами государственной власти. Причем все они имели одинаковую юридическую силу. Наиболее важные стороны общественной жизни регулировались основными законами. Помимо этого издавались предписания, в т. ч. секретные, распоряжения, положения, инструкции, резолюции, воззвания. Учитывая обстоятельства революционного времени, «военного коммунизма» и Гражданской войны, некоторые распоряжения для оперативного их распространения и осуществления облекались в форму радио- и телеграмм.

Четкого назначения той или иной формы нормативного акта законодатель не придерживался: в декрете могли содержаться подробные инструкции реализации властного предписания, в то время как в положении указывались общие черты регулирования, а в инструкции они конкретизировались, резолюции составлялись как предписания и т. д. Воззвания в большинстве имели декларативно-политическую направленность. Такая практика понятна – юридическая техника государственных органов и служащих при разработке властно-распорядительных актов находилась еще в стадии становления, нор-

мативный массив формировался стихийно, по мере появления проблем, его систематизация и иерархизация были тогда не самыми главными вопросами революционного нормотворчества.

Исследование законодательных и распорядительных актов ВЦИК, Президиума ВЦИК, СНК, Малого СНК, СТО мы провели в хронологическом порядке, беря за основу имеющиеся в них сквозные тематические проблемы:

1) регулирования землепользования (к ним мы отнесли также проблемы мелиорации, агрикультуры, рационального землепользования, механизации сельского хозяйства, сельхозпросвещения, крестьянских переделов, социалистического землеустройства, сбора и распределения семенного материала, посевных кампаний, борьбы с сельхозвредителями и пр.);

2) развития крестьянского скотоводства, животноводства и птицеводства, борьбы с эпизоотиями;

3) лесопользования (вопросы пользования лесными ресурсами, охотопользования, защиты фауны, лесных пожаров и пр.);

4) водопользования (использование водных и рыбных ресурсов, мелиоративные работы на водных объектах сельхозназначения);

5) продовольствия (они тесно переплетались с ресурсопользованием в деревне, неурожаем и голодом);

6) крестьянских переселений на восток и юго-восток страны;

7) кадрового обеспечения сельскохозяйственной отрасли специалистами сельского хозяйства, создания специализированных государственных органов для ее управления.

Из 107 документов демоэкологической направленности 40 посвящено законодательному-административному регулированию вопросов землепользования, 22 – продовольственного обеспечения в условиях неурожая и голода, 17 – лесопользования, 12 – кадрового обеспечения сельхозотрасли, 9 – скотоводства и пр., 6 – крестьянских переселений за Урал, 3 – водопользования. Из всего огромного нормативного массива тех времен демоэкологические проблемы занимали почти 2%. Проиллюстрируем каждую группу выявленных нормативных случаев конкретными примерами.

Законодательное регулирование вопросов землепользования

В одном из первых и знаменитых декретов большевиков – в декрете «О земле», принятом на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., помимо политических деклараций закреплялись тезисы о необходимости передать в особое распоряжение государства или специальных крестьянских общин «земельные участки с высококультурными хозяйствами» (опытные поля и станции, питомники и пр.) и племенные скотоводства, птицеводства и пр. В документе сообщалось, что вся земля отныне поступала в общенародный земельный фонд, причем он должен был подвергаться периодическим переделам «в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства». Предполагалась компенсация стоимости удобрений и мелиорации при сдаче надела обратно в земельный фонд для последующего его перераспределения. В декрете указывалось и то, что если в отдельных местностях земельный фонд окажется недостаточным для наличного крестьянского населения, то государство должно было организовать переселение избыточного населения в другие районы [2, с. 18-19]. В данном декрете, одном из основополагающих в аграрной политике советского государства, посвященном преимущественно вопросам землепользования, содержатся также нормы-положения, касающиеся и вопросов крестьянского скотоводства, и переселений.

В принятом 27 января (9 февраля) 1918 г. «Основном законе о социализации земли» помимо важности справедливого распределения земель закреплялось требование о продуктивном использовании сельскохозяйственных национальных богатств. Под ним подразумевалось в т. ч. увеличение плодородия почв, повышение качества техники обработки земель, уровня сельскохозяйственных знаний населения. Важным признавалось создание запасного фонда земель сельскохозяйственного назначения, развитие скотоводства, молочного хозяйства, садоводства, огородничества и пр. Для лесоразведения, огородничества, садоводства должна была предоставляться, в первую очередь, неудобная для возделывания земля, а во вторую – удобная. В документе закреплялась норма о борь-

бе с чересполосицей: земли крестьянам должны были отводиться в одном месте [1, с. 408, 410, 416].

3 мая 1918 г. правительство приняло постановление об ассигновании почти 9 млн руб. Отделу земельных улучшений Наркомзема в виде аванса с последующим обязательством отчитаться о потраченных суммах. Накануне в специальной комиссии при СНК и в самом Совнаркоме обсуждался вопрос о выделении чуть более 7 млн руб. на мелиоративные работы. Однако руководство страны пересмотрело эту сумму в сторону увеличения, согласовав изменения в сметах с Наркомтрудом и ВСНХ. В итоге к посевной кампании Наркомзему были авансированы большие, чем планировались, денежные суммы на проведение необходимых мелиоративных работ [2, с. 223-224]. Вероятно, власть понимала степень истощенности земель той части страны, на которой предстояло провести посевные работы.

Декретом 1 октября 1918 г. все сельскохозяйственные предприятия и земельные участки, имевшие учебно-показательное и культурно-просветительское значение (опытные поля, участки опытных станций, питомники и пр.), бывшие имения с ценными многолетними культурами (виноградники, хмельники, чайные, табачные плантации и пр.), бывшие крупные имения с рациональным хозяйством и сложным техническим сельскохозяйственным оборудованием, а также с развитыми специальными отраслями животноводства (коннозаводство, племенное скотоводство и овцеводство) поступали в ведение Наркомзема. Их национализация, как следовало из текста закона, была обусловлена целью сохранения и поддержания таких хозяйств под руководством профильного наркомата. Местные же губернские и уездные земотделы, непосредственно их эксплуатировавшие, должны были обеспечить заселение этих имений и хозяйств необходимым количеством членов специально создаваемых коммун [3, с. 385-387].

8 февраля 1919 г. декретом СНК РСФСР на казенное обеспечение были приняты все сельскохозяйственные опытные учреждения. В качестве такой необходимости в документе назывались государственное значение сельскохозяйственного опытного дела, финансовая необеспеченность некоторых опытных

станций в связи с прекращением частного и земского финансирования. За государственный счет предполагалось содержать опытные станции и поля, как уже существовавшие, так и планировавшиеся к открытию [4, с. 345-346].

В Положении ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», принятом не позднее 13 февраля 1919 г., уделялось внимание проблемам уничтожения дальнотельных земель и чересполосицы. Специально закреплялось право губернских земельных отделов (губземотделов) охранять земли от истощения, осуществлять обводнительные, оросительные мероприятия, защитное лесонасаждение, укрепление песков и оврагов, устройство опытных станций и полей и пр. Для этого они могли изымать необходимые участки земли, независимо, в чьем ведении они находились [4, с. 372]. С целью восстановления и увеличения плодородия почв товариществам и отдельным хозяйствам предписывалась обязательная вывозка удобрений на поля. Наряду с этой мерой закреплялась необходимость применения искусственных удобрений. Закреплялись меры поощрения тех товариществ, коммун и крестьянских обществ, которые улучшали ведение хозяйства: им увеличивали кормовые нормы для скота, отдавали предпочтение при распределении сельскохозяйственных машин, скота, инвентаря [4, с. 386-387, 389].

Примечателен декрет СНК РСФСР от 30 апреля 1920 г. «О переделах земли». Советская власть, также как и ее предшественница – царская, – столкнулась с проблемой частых и бесхозяйственных земельных переделов, понижавших производительность сельского хозяйства, препятствовавших правильной и интенсивной обработке и удобрению полей. Большевики решили бороться с переделами земли путем категорического запрета проведения полных (перераспределение всей земли в крестьянских обществах) и частичных (перераспределение земель отдельных хозяйств в крестьянских обществах) переделов пахотных участков земли. Запрет на переделы устанавливался до периода завершения землеустроительных работ по закону о социалистическом землеустройстве. При этом вводились изъятия из этого установления. Так, досрочные полные переделы земли могли производиться в случаях, когда

распределение пахотных участков было проведено неравномерно и препятствовало развитию сельского хозяйства: если в результате землеустроительных работ общая площадь землепользования существенно изменилась и ее невозможно устранить иными, кроме коренного передела, способами; если крестьянское общество собиралось переходить к многополью или уничтожению мелкополосицы; если сельское общество желало перевести часть своих земель под общественную мелиоративную обработку. Разрешение на досрочный полный передел земель выдавали уземотделы. Досрочное осуществление частичных земельных переделов тоже допускалось в случаях, если сельский Совет намеревался увеличить землепользование некоторых хозяйств за счет нераспределенных, неиспользуемых и выморочных участков земли; или отобрать у отдельных хозяйств излишки земли, образовавшиеся сверх трудовой нормы, или за уклонение пользователей надельных участков их от обязательного удобрения. Досрочные частичные переделы земель производились с разрешения волземотделов.

Вводилась специальная норма, предусматривавшая наказание в виде отобрания надельных земель крестьян за уклонение от унавоживания находившихся в их пользовании полей в ожидании нового передела земель при наличии неиспользованного удобрения. Ей в пару была закреплена поощрительная норма, закреплявшая преимущество в дальнейшем пользовании полевыми участками тех хозяйств, которые правильно их обрабатывали и удобряли. Надзор за хозяйственно-целесообразными переделами земель возлагался на местные земотделы. Любые переделы, осуществленные в нарушении данного декрета, аннулировались, а его участники подвергались судебному преследованию [5, с. 127-130].

Насущной задачей правительства в 1921 г. было преодоление последствий неурожая и голода, поэтому 9 февраля 1921 г. СТО принял постановление «О мероприятиях по осуществлению постановления VIII Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1920 г. «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». СТО подчеркнул важность объединения усилий всех наркоматов по оказанию помощи Наркомзему в под-

готовке и проведении посевной кампании 1921 г., а шире – в дальнейшем развитии сельского хозяйства. В частности, Главному комитету по всеобщей трудовой повинности предписывалось перевести в распоряжение Наркомзема всех специалистов с сельскохозяйственным образованием. Все наркоматы обязаны были еженедельно докладывать СТО о принятых мерах содействия Наркомзему [6, с. 54-55].

В целях поощрения кормового травосеяния и расширения луговодства 30 мая 1921 г. декретом СНК РСФСР устанавливались льготы для крестьянских хозяйств, разводивших семена кормовых трав и сдававших их в Наркомзем. Участки полевых и луговых угодий, засеянные их хозяевами кормовыми травами (клевер, тимофеевка, люцерна, мятлики, пырей и пр.) для выращивания и сдачи государству семян, освобождались от натурального налога. Крестьяне должны были отдавать пятую часть семян с засеянных каждой кормовой культурой участков. Заказанные под семена участки нельзя было использовать под покос и выпас скота. Поступившие в зачет натурального налога семена трав должны были образовать семенной фонд Наркомзема, который в последующем направлялся на ускорение перехода к многопольному севообороту. Особо отличившимся хозяйствам Наркомзем мог увеличить размер земельного надела [6, с. 216-219].

В условиях засухи 1921 г. правительство 13 июня постановило считать семеноводство первостепенной задачей Наркомзема. Он должен был организовать распространение среди крестьянского населения страны чистосортных и устойчивых к засухе семян на посев, выведенных на опытных полях. Для этого на наркомат возлагались следующие задачи: создать из селекционных семян семенной фонд специального назначения, поручить Шатиловской (Тульская губерния), Энгельгардтовской (Смоленская губерния), Безенчукской (Самарская губерния), Московской, Воронежской, Саратовской, Вятской, Омской и Новозыбковской (Гомельская губерния) опытным станциям расширить площади питомников для производства большого объема семян, на территории каждой из них создать дополнительно по семь семенных совхозов. Все главки и центры должны были в первоочередном порядке

обеспечивать опытные станции и семенные совхозы материалами, сельхозмашинами, сырьем и продовольствием [7, с. 75-77].

В целях борьбы с «колоссальным распространением» по территории РСФСР, особенно на окраинах (Астраханская, Самарская, Саратовская, Тамбовская губернии, Сибирь, Юг России, Южный Урал, Средняя Азия), саранчи постановлением СТО 22 июня 1921 г. губпосевкомам предписывалось активно бороться с вредителями сельского хозяйства путем как механического очищения зараженных полевых участков, так и посредством применения химических средств борьбы с ними [7, с. 450-451]. Постановлением СТО от 25 июня 1921 г. предписывалось еще активнее бороться с саранчой и кобылкой. В документе подробно приводилась инструкция по применению химических и механических способов борьбы с ними (!) (вплоть до того, в каком количестве и как разводить мышьяк, или какими методами сжигать саранчу). Ввиду требуемой в большом количестве трудовой силы всем военным и продовольственным ведомствам приказывалось оказывать содействие местным органам в борьбе с сельхозвредителями [7, с. 478-479].

Вследствие засухи и последовавшего неурожая на юго-востоке РСФСР СТО в середине июня 1921 г. в целях повышения продовольственного и кормового баланса страны направил всем губпосевкомам предписание, основанное на рекомендациях профессора-почвоведца Д.Н. Прянишникова. Суть его заключалась в использовании рано освободившихся в тот год площадей озимых и яровых хлебов под засев быстрорастущих кормовых трав. Паровые клинья предлагалось засеять смесью озимой ржи и яровой вики в целях укоса последней и сохранения на зерно первой. Всем сельсоветам вменялось в обязанность проводить агитацию среди крестьян о необходимости подобных мер. Действовать следовало, проявляя «максимум инициативы, напряженности и обдуманности». Губпосевкомы для организации этих действий должны были созвать расширенные с участием представителей опытных полей и агрономических учреждений собрания. Попутно они же должны были собрать данные об остатках семенного материала [7, с. 461-462]. СТО и Наркомзем 7 июля 1921 г. приняли распоряжение, адресованное всем губисполкомам,

«О проведение уборочной и озимой посевной кампаний». В нем подчеркивалось, что восстановление сельского хозяйства являлось главной и основной задачей в стране, поэтому недопустимо было вялое отношение к проведению уборочной и посевной кампаний, как следовало по сообщениям с мест. Правительство указывало на необходимость осуществления еще и агрономических мер по преодолению последствий засухи, заготовке кормов и расширению кормовых посевов [8, с. 301-302].

«Принимая во внимание большую нужду в мелиоративных работах по всей Республике и что при существующих условиях без привлечения к этим работам всего сельскохозяйственного населения Республики на значительный успех этого рассчитывать нельзя», СТО от 3 августа 1921 г. принял постановление «О мелиоративных товариществах». В нем подчеркивалось, что организация мелиоративных товариществ признавалась руководством страны первостепенной задачей. Наркомзем и его местные органы совместно с губпосевками должны были содействовать образованию мелиоративных товариществ, предоставляя крестьянам особый мелиоративный беспроцентный натуральный и денежный кредит, снабжая товарищества специальным мелиоративным персоналом, пропагандируя и разъясняя важность агрикультурных мер. Для осуществления этой задачи наркомату выделялось 2 млрд руб.

Мелиоративные товарищества создавались с целью мелиорации угодий (земли, лугов, пастбищ и пр.), укрепления оврагов, песков, осушения, орошения и дренирования земель, строительства плотин, поддержания в хозяйственном состоянии ранее улучшенных участков. Товарищества должны были образовываться на тех территориях, где требовалось провести мелиоративные мероприятия, если больше половины хозяйств высказались за создание данного объединения. Все мелиоративные работы и подготовку к ним должны были осуществлять местные земорганы [9, с. 40-42].

Для того чтобы крестьянство четко осознавало необходимость мелиоративных и иных улучшавших ведение сельского хозяйства мер, Совнарком 22 августа 1921 г. принял декрет «О массовом распространении среди крестьянского населения сельскохо-

зяйственных знаний и улучшенных приемов ведения сельского хозяйства». Наркомзему предписывалось организовать повсеместно краткосрочные курсы по сельскому хозяйству продолжительностью от 1 до 3 месяцев. Программы курсов должны были быть ориентированы на местные условия каждого района. В качестве слушателей принимались земледельцы, делегированные селькомами по разверстке губземотделов и уземотделов. На время прохождения курсов они освобождались от трудовой повинности с сохранением ежемесячной оплаты труда в хозяйствах, получали социальное обеспечение по нормам слушателей рабфаков. Каждый сельком должен был обеспечить, чтобы как минимум один земледелец в течение осени–зимы изучил научные основы ведения сельского хозяйства. В качестве организаторов, лекторов и руководителей курсов привлекались агрономы, лесоводы, землемеры, ветеринары в порядке учебной повинности в независимости, где они работали. Низший агрономический персонал и практики сельского хозяйства должны были оказывать им помощь в проведении курсов. Губземотделы могли приглашать на курсы педагогический персонал и работников просвещения. Наркомзему и Главпрофобру предписывалось при сельхозинститутах и опытных станциях создавать инструкторские курсы по подготовке лекторов данных курсов. Педагогический персонал школ в сельской местности тоже необходимо было обучать основам сельского хозяйства. С целью массового распространения сельхоззнаний из бюджета выделялись средства для публикации специальной научно-популярной и учебной литературы по сельскому хозяйству [9, с. 204-207].

Законодательное регулирование развития крестьянского скотоводства, животноводства и птицеводства, борьбы с эпизоотиями

В целях поддержания племенного животноводства и птицеводства постановлением СНК РСФСР от 27 января 1920 г. закреплялся запрет на изъятие племенного скота и птицы у крестьян-единоличников и коллективных хозяйств; возможность губземотделов приобретать их у владельцев в случаях неправильного их содержания и выдавать разрешение на убой в случае болезни скота и птицы; вводился порядок купли-продажи их

только для племенных целей и с разрешения губземотделов. Заготовленные «усиленные и грубые корма» для племенных скота и птицы также не подлежали изъятию у их владельцев по нарядам Наркомпрода [10, с. 135-136].

Правительство, считая важным вопрос обеспечения крестьянских хозяйств, в особенности безлошадных и однолошадных, лошадьми, 21 апреля 1920 г. приняло постановление о массовой покупке Наркомземом при содействии Наркомата по военным делам киргизских и монгольских лошадей для нужд сельского хозяйства. О важности данного мероприятия говорит и сумма, выделенная в сверхсметном порядке в размере 1 млрд руб. (!) [5, с. 75-76]. Вновь заботясь о пополнении количества лошадей, Президиум ВЦИК 28 мая 1921 г. принял постановление об их закупке в Киргизии [11, с. 370-371]. 12 августа 1921 г. постановлением СНК Наркомзему выделялись 5 млрд руб. на закупку и вывоз скота из голодавших губерний, в т. ч. и Киргизии [9, с. 391-392].

Для борьбы с чумой рогатого скота постановлением СНК от 12 мая 1920 г. в губерниях, пораженных чумой или находившихся под угрозой данной эпизоотии, для принятия мер по борьбе с ней вводилась специальная должность особоуполномоченных Наркомзема по борьбе с чумой рогатого скота [5, с. 189-190]. Для борьбы с чумой рогатого скота 11 августа 1920 г. СНК предписывал Тамбовскому, Воронежскому и Саратовскому губ-исполкомам обеспечить противочумные станции всем необходимым. Эти станции, рассчитанные на целый район, должны были в срочном порядке выработать максимальное количество сыворотки для прививок [12, с. 252-253].

Постановлением СТО 6 июля 1921 г. была образована специальная государственная комиссия в составе представителей Наркомзема, Наркомпрода, Рабоче-крестьянской инспекции, Центрального статистического управления с привлечением членов ВСНХ для разработки в месячный срок предложений «по сохранению или рациональному использованию» скота в местностях, где ожидался в 1921 г. неурожай [8, с. 287].

Законодательное регулирование вопросов лесопользования

В связи с полученными сведениями о массовых увольнениях местными Советами

лесных специалистов председатель СНК В.И. Ленин и нарком земледелия РСФСР А.Л. Коллегаев 5 апреля 1918 г. подписали «Предписание всем Советам о недопустимости увольнения лесных специалистов». В нем указывалось, что лесные служащие даже в суровые и непростые годы революции не оставляли своих мест службы, поддерживая связь центрального аппарата власти и местных территорий, обеспечивали тем самым существование лесного хозяйства. Государственным и партийным руководством подчеркивалась значимость для страны лесного хозяйства, сохранения дореволюционных кадров лесных специалистов. Ведь «поголовное увольнение лесоводов лишит лесное хозяйство опытных и ценных работников». Отмечалось, что их уже тогда было недостаточно для реализации лесной политики РСФСР, учитывая проектируемый «Основной закон о лесах», принятый 27 мая 1918 г. У власти, занятой и другими важными вопросами, все же присутствовало осознание того, что «лесных специалистов нельзя заменить другими без ущерба для леса». Понимала она и важность восстановления уничтоженных в пожаре (в буквальном и переносном смысле) Первой мировой и Гражданской войн и революции больших участков леса, и учет национализированных лесных площадей. В предписании особо отмечалось, что леса теперь состоят в государственном распоряжении (в тогдашней терминологии – составляли «общенародный фонд»), никаких частных лесных зон не должно было быть. В.И. Ленин осознал, что «поставить» лесное хозяйство в Советской республике некому, кроме старых специалистов. Сложная задача по восстановлению лесного хозяйства должна была быть, по его мнению, реализована силами технических специалистов. В противном случае, этот план остался бы только на бумаге.

Примечательна и последняя фраза текста данного распоряжения, отражающая крайнюю степень заинтересованности центральной власти в сохранении кадров лесных служащих, даже несмотря на их не сочувствующие ей взгляды: «Заявляйте народному комиссару земледелия о всех нежелательных лицах, но не сменяйте техников, командированных для технического содействия в местные органы Советской власти, которая может

предъявить отвод против любого из них по общественным и политическим основаниям». Окончательное право увольнения лесных специалистов, а также их перевод из одной губернии в другую власть закрепила только за Центральным лесным управлением [13, с. 54-55].

В «Основном законе о лесах», принятом ВЦИК 27 мая 1918 г., закреплялось уничтожение в РСФСР частной собственности на леса, изъятие у бывших владельцев всех лесных участков, построек лесохозяйственного назначения со всем находившимся там инвентарем в общенародное распоряжение. Создавалось Центральное управление лесами Советской республики, курировавшее все лесное хозяйство [13, с. 312-313]. Непосредственное заведывание лесами осуществляли технические лесные органы местной советской власти. Лишь Центральное управление лесами могло выдавать разрешения местным властям на расчистку участков леса, входивших в основной земельный надел крестьян. Оно же должно было заботиться о восстановлении лесного хозяйства страны, учете лесов, облесении территорий «в интересах сельского хозяйства», повышении уровня знаний и культуры населения в деле лесопользования, снабжении населения древесиной и пр. Одновременно Центральное управление лесами должно было проводить мероприятия по обращению лесных территорий в земельный фонд [13, с. 314-315]. В законе разумно закреплялось, что порядок определения допустимых норм получения населением древесины, топлива и пр. будет установлен позже общегосударственным планом лесного хозяйства и будет зависеть от степени лесистости территорий, имевшихся запасов древесины, условий климата и общих потребностей народного хозяйства. Контролировалось и целевое использование лесных материалов и остатков от их употребления для хозяйственных нужд.

Примечателен раздел декрета об охране лесов. Всем гражданам законом предоставлялись права на мотивированные заявления местным властям об объявлении лесных участков защитными, о необходимости облесительных мероприятий и сокращении лесопользования в интересах сельского хозяйства. Местные лесные органы имели право самостоятельно или по заявлению граждан

изымать лесные участки и переводить их в разряд защитных, организовывать мероприятия по укреплению песков, оврагов и других неудобных земель [13, с. 316-317]. Гражданам вменялось в обязанность содействовать «лесовозвращению и охране леса». Детей необходимо было привлекать к участию в праздниках древонасаждения на специальных учебных занятиях. Каждый гражданин должен был всеми доступными средствами охранять леса от пожаров, порчи, потрав, нападения насекомых, также бережливо расходовать полученные лесные материалы [13, с. 318-319].

На создаваемые уездные и губернские лесные органы, а также местные органы власти также возлагались обязанности по защите и охране лесов, увеличению площади лесов, организации мероприятий по лесовосстановлению. Все леса в стране были разделены на две категории – защитные и эксплуатационные. В первых лесопользование было ограничено, во вторых – нет, они предназначались для извлечения экономических выгод. Защитные леса объявлялись с целью защиты почв, памятников природы, истоков рек и водного режима в целом, укрепления песков и оврагов, сохранения благотворного влияния лесов на климат и пр. Леса на определенный период признавались защитными местной, центральной и федеральной властями после соответствующего технического исследования. После достижения целей, ради которых они объявлялись защитными, они в том же порядке переводились в категорию эксплуатационных. Защитные леса находились под контролем местных властей, специализированных учебных заведений, мелиоративных обществ [13, с. 320-321, 324-325].

Специально оговаривались правила обращения лесных территорий в земельный фонд. Указывалось на полный запрет распахивания защитных лесов. Остальные леса могли быть расчищены под пашню и иные угодья с разрешения местных властей с учетом потребностей народного хозяйства и переселенческой политики власти. В местностях с высоким процентом лесистости допускались расчистки леса, если были возможности для переселения, существовали почвенные условия для ведения сельского хозяйства. Территории средней лесистости могли быть обращены в сельскохозяйствен-

ные угодья при условии не сплошного лесного покрытия и отсутствия после расчистки дефицита в строительных материалах для населения. В местностях с невысоким процентом лесистости расчистки леса возможны были только после специальных технических исследований, дававших «уверенность в жизнеспособности искусственного лесонасаждения». В тех местностях населению предписывалось вначале запахивать неудобные площади, подвергать их культивированию и мелиорации [13, с. 327-328].

Законодательное регулирование вопросов водопользования

Несмотря на условия Гражданской войны, правительство уделяло внимание проблеме использования водных и рыбных ресурсов. Так, 4 июня 1920 г. СТО принял постановление «О выработке правил рыбной ловли в морях и реках, имеющих военно-оперативное значение». Смысл закона состоял в том, что водные ресурсы, несомненно, игравшие важную роль в военно-тактическом отношении, тем не менее, по мысли законодателя, не должны были подвергаться ввиду их продовольственного значения для населения излишним ограничениям. Однако и вовсе пренебрегать правилам рыбной ловли правительство посчитало легкомысленным, поэтому поручило центральным профильным учреждениям разработать данные правила и условия ловли рыбы в морях и реках. Предписывалось также создать особую комиссию из представителей названных ведомств для решения возникавших на местах споров [14, с. 32].

Весной 1921 г. СТО утвердил предложенную Главным комитетом государственных сооружений ВСНХ программу водного строительства, подразумевавшую проведение строительных работ по водным путям (шлюзование Виртембергской, Донской, Волжской водных систем), устройство ГЭС (на р. Свири, р. Сестре, оз. Сенеж, р. Днепре), осуществление мелиоративных работ в Крыму, Рыбинске, Нижнем Новгороде, на Верхней Волге. Указанные мероприятия были отнесены к «первоочередным и ударным», на которые в первую очередь должны были направляться рабочие ресурсы. А далее местным органам власти указывалось, чтобы они по мере остатка сил и средств от выполнения плана по приоритетным направлениям про-

изводили мелкие мелиоративные, оросительные и строительные работы. Среди второчередных назывались, например, меры по укреплению берегов р. Волга в районе г. Астрахань в целях защиты от затопления прилегающих районов, ремонт плотины во Владимирской губернии, расчистка порогов на реках Сязи и Паше, мелиорация лесных участков между реками Судой и Сятью в Череповецкой губернии, а также мелкие мелиоративные работы (регулирование притоков рек, ремонт плотин, оросительных систем и пр.) в Воронежской, Орловской, Тамбовской, Казанской, Пензенской, Саратовской губерниях, Башкирской, Чувашской областях [12, с. 176-179].

Декретом СНК от 31 мая 1921 г. «О рыбной промышленности и рыболовстве» отменялась государственная монополия на осуществление рыбных промыслов в водных угодьях РСФСР, кроме исключительных зон в Волго-Каспийском, Западно-Каспийском, Уральском, Ачьевском, Керченском, Мурманском районах. Всем гражданам и учреждениям на условиях натуральной аренды разрешалось свободно использовать водные ресурсы для рыбной ловли и промысла, кроме запретных и государственных. На Главрыбу, как центральный государственный орган, возлагались функции регулирования рыбного промысла в стране, установление заповедных для рыболовства мест, запретных периодов и орудий лова, организации контроля над исполнением правил рыбной ловли и ведения промыслового хозяйства [12, с. 227-230].

Законодательное регулирование вопросов продовольственных проблем, последствий неурожая и голода

В разгар голода, 29 июля 1920 г., СНК принимает постановление «О хлебных ресурсах страны», которое закрепляло перераспределение хлебных запасов страны из Сибири, Кавказа, Украины в голодавшую Центральную Россию, предписывало пересмотреть списки предприятий с усиленным снабжением и питанием с целью сокращения численного состава их потребителей, а также прекратить выдачу фронтовых пайков в тылу и сократить число едоков, питавшихся через военпродмаги [14, с. 408-409].

Постановление СНК «Об организации помощи голодающему населению Рязанской,

Калужской, Тульской, Брянской и Орловской губерний» от 21 сентября 1920 г. предписывало Наркомпроду провести подробное обследование местностей этих губерний, наиболее всего пострадавших от неурожая, организовать бесплатные общественные столовые на местах и ввоз продовольствия, а также обеспечить продовольственным и вещным пайком работников по организации переселения крестьян с голодавших территорий [14, с. 351-352].

СТО 22 сентября 1920 г. принял постановление «О мерах по усилению вывоза хлеба из Сибири и Северного Кавказа», согласно которому в максимально сжатые сроки (до 5 октября 1920 г.) Наркомпрод, Наркомпутя, НКВД, Полевой штаб, Всероглавштаб, Главкомтруд, Главвод, Сибпродком, Сибревком, Совтрудармюгостока, Военпродбюро должны были обеспечить переброску хлеба из Сибири и Северного Кавказа в Центральную Россию и Поволжье, пострадавшие от неурожая и голода [14, с. 353-355]. Постановлением Президиума ВЦИК 17 февраля 1921 г. была образована специальная комиссия под председательством М.И. Калинина по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая в Рязанской, Калужской, Орловской, Тульской и Царицынской губерниях [6, с. 104].

Вследствие обострения продовольственного кризиса в Центральной России правительство в неопубликованном в 1920-е гг. постановлении СНК «О дозаготовке хлеба прежнего урожая в максимальных размерах» от 21 июня 1921 г. раздало ключевым ведомствам секретные поручения: Наркомвнешторгу – закупить за границей продовольствие, Наркомпроду и НКВД – изъять на окраинах (в Сибири, Казахстане, на Украине) оставшийся от заготовок хлеб урожая 1921 г. (не менее 9,5 млн пудов), Наркомпутю – усиленно бороться с мешочничеством на железных дорогах, Сибревкому и Киргизскому совнаркому – оказывать содействие продорганам в дозаготовке хлеба в Сибири и советской Средней Азии [7, с. 436-437].

Декретом СТО «О засева озимого клина в 1921 г. в пострадавших от неурожая местностях РСФСР» от 1 июля 1921 г. Наркомзему и Наркомпроду указывалось на необходимость сбора с губерний, не пострадавших от неурожая, выданных озимых и яровых

семенных ссуд для засева территорий, пораженных неурожаем. Урожай озимых хлебов, собранный в Самарской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, Уфимской, Симбирской губерниях, Чувашской области, Татарской Республике, Трудовой коммуне немцев Поволжья, приказывалось там же обратить на посев озимых полей текущего года, освободить их от взноса натурального налога на хлеб и от компенсации за ранее выданную семенную ссуду. Для повышения качества посевного материала губпосевкомы должны были содействовать крестьянам в очистке семян, следить за тем, чтобы высевалось высокосортное зерно [8, с. 11-13].

Осознавая всю остроту постигшего Поволжье и юго-восток страны голода, ВЦИК постановлением от 3 августа 1921 г. разрешил все виды продовольственных и сырьевых налогов в этих местностях направить на внутригубернские нужды. Постановлением ВЦИК от 4 августа 1921 г. это послабление было еще конкретизировано: губисполкомам этих районов при утверждении местных налогов предоставлялось право понижать общегосударственные налоговые ставки или вовсе освобождать от всех или отдельных видов налогов наиболее пострадавшие от неурожая территории [9, с. 27-28, 46-47].

Законодательное регламентирование вопросов крестьянских переселений на восток и юго-восток страны

В целях облегчения тяжелого продовольственного положения населения северных губерний Центральной России и организации восстановления сельского хозяйства юга страны, 24 апреля 1919 г. декретом СНК РСФСР Наркомзему предписывалось организовать в срочном порядке переселение наиболее нуждавшихся в продовольствии крестьян северных губерний Европейской части страны в южные районы и Донскую область. Для обеспечения данной задачи была создана межведомственная комиссия в составе представителей Наркомзема, Наркомпрода, ВСНХ, НКВД, Наркомвоена, Наркомпутя, Наркомздрава и Центральной коллегии о пленных и беженцах. Наркомзему, как главному куратору данного мероприятия, для организации и устройства переселенцев выделялся сверхсметный кредит в 10 млн руб. [15, с. 98].

Судя по обращению СНК к крестьянам 26 июня 1920 г., к тому времени в некоторых губерниях набирало обороты стремление крестьян к массовому и стихийному переселению в Сибирь и юго-восточные районы страны на свободные земли. Правительство стремилось поставить этот процесс под свой контроль. В связи с этим в обращении Совнаркома говорилось о том, что недавно освобожденные от белогвардейцев территории Сибири и юго-востока страны подверглись большим разрушениям и требовали подготовки для переселения малоземельных крестьян, чему правительство уделяло внимание. Однако легальное переселение было сопряжено с большими подготовительными мероприятиями на местах, организацией движения транспорта и землеустроительными работами как на территории выезда, так и въезда крестьян. Тогда еще руководство страны было не в силах обеспечить этот процесс на должном уровне, поэтому призывало крестьянство воздержаться от неорганизованного и беспорядочного переселения в необжитые и неустроенные районы, грозя им потерей своих наделов и имущества в старых местах проживания. При этом, понимая проблему малоземелья и неурожаев, все же разрешило переселение в разумных объемах наиболее нуждавшихся в землях крестьян с разрешения местных и центральных органов власти [14, с. 166-168].

Ранее, 15 июня 1920 г., СНК принял постановление «Об урегулировании переселения крестьян». По его содержанию, а более по тону можно судить, насколько сильно правительство было обеспокоено начавшимся стихийным переселением крестьян из Центральной России вследствие неблагоприятной продовольственной обстановки. В нем Наркомпроду указывалось «обратить сугубое внимание на охваченные стремлением к выходу районы в смысле принятия действительных мер к ослаблению продовольственных затруднений», Наркомзему совместно с Наркоматом путей сообщения и Центрэваком спешно подготовить план и оборудование (питательные, врачебные и регистрационные пункты) для переселения крестьян, Наркомтруду поручалось использовать высвободившиеся трудовые ресурсы в местах выхода и въезда крестьян. Для снятия напряжения и открытия легализованного пере-

селения допускалось крестьянское хождение в места предположительного выезда. В крайних случаях малоземелья и голода («в особо уважительных», как выразился законодатель) допускалось переселение до открытия организованного движения на восток и юго-восток страны. Наркомзем должен был каждые две недели информировать Совнарком о ходе подготовки к переселенческому процессу и мерах, принимаемых к урегулированию возникавших споров [14, с. 336-337].

Тревожный тон правительства не скрывается в предписании СНК РСФСР губисполкомам и губземотделам Тулы, Рязани, Воронежа и Калуги «О мерах по регулированию переселения крестьян», переданное им по телеграфу после 15 июня 1920 г. Хотя правительство было готово разрешить переселение голодавших крестьян в Сибирь и на юго-восток, все же оно предписывало местным властям всячески сдерживать и ослаблять переселенческое движение из центра России. Говорилось в телеграмме и о том, чтобы на местах действовали осторожно, аккуратно, чтобы не спровоцировать усиление движения населения на восток страны. Властям на местах поручалось срочно собрать и выслать в Москву полные сведения об уездах с наиболее выраженным стремлением к переезду, о численности крестьян, намеревавшихся переселиться, пунктах предполагаемого переселения, размерах гужевого переселения [14, с. 340-341].

28 июля 1921 г. Президиум ВЦИК решил с 1 августа 1921 г. частичное выселение людей из охваченных голодом Астраханской, Самарской, Царицынской, Саратовской, Симбирской, Уфимской, Вятской, Маркштадской губерний, Татарской Республики, Чувашской, Марийской областей в объеме не более 105 тыс. человек. Причем выселение допускалось для трудоспособных лиц, утративших связь с сельским хозяйством вследствие неурожая и бескормицы. Для местностей, в число голодавших не включенных, запрет на легальное переселение оставался в силе. В виде исключения из правил, особо пострадавшим от голода уездам Вятской губернии (Яранский, Уржумский, Советский, Малмыжский, Котельнический), а также для Марийской, Чувашской и Вотской областей разрешалось переселение в Сибирь и Северо-Двинскую и Вологодскую губернии

с тем, чтобы число ходоков из каждой местности не превышало 500 человек. Предписывалось также попутно обеспечить расселение голодавшего населения Вятской губернии по ее территории [8, с. 228-230].

Законодательное регулирование вопросов кадрового обеспечения сельхозотрасли, создания специализированных государственных органов для ее управления

Для проведения аграрной реформы советской власти требовались кадры землемеров и техников, поэтому 30 марта 1918 г. был принят декрет СНК о мобилизации землемерных сил в стране. Он предписывал всем землемерным техникам, не состоявшим на службе у новой власти, в недельный срок после опубликования декрета зарегистрироваться в землемерно-технической части земотдела ближайшего местного Совета в последующем с обязательным сообщением об изменении своего места жительства. Все государственные, общественные и частные учреждения, отдельные лица, при которых находились на службе даже и не по специальности землемеры, были обязаны предоставить о них поименные полные списки с указанием возраста, квалификации, места жительства. Земотделы местных Советов также должны были активно собирать все сведения об имевшихся кадровых запасах землемерных техников и привлекать их к работам. Межевые и иные технические учебные заведения обязаны были сообщить сведения о преподавателях с землемерным образованием и учащихся, которых можно было использовать при проведении соответствующих работ, в Центральный землемерно-технический отдел Наркомзема, который вел общегосударственный учет землемерных сил страны [13, с. 577-578].

9 июля 1918 г. всем губернским земотделам предписывалось привлечь агрономов и других специалистов сельского хозяйства к «энергичной работе по специальности». В случае саботажа со стороны агрономов и смежных специалистов им грозило привлечение к суду [13, с. 629-630]. В целях подъема производительных сил сельского хозяйства и разрешения продовольственного кризиса в марте 1919 г. специальным декретом СНК закреплялась мобилизация специалистов сельского хозяйства. На действительную службу по сельскому хозяйству призывались

специалисты Московской, Петроградской, Орловской, Рязанской, Тверской, Астраханской, Тамбовской, Самарской, Воронежской, Нижегородской, Тульской и Новгородской губерний [4, с. 520-521].

ВЦИК 10 января 1921 г. законодательно закрепил появление комитетов по укреплению и развитию крестьянского сельского хозяйства – посевкомов. Они создавались в губерниях, уездах (районах) и волостях. Их основная задача состояла в содействии расширению посевов и улучшению обработки земли: они должны были разрабатывать планы засевов, следить за их выполнением, распределять семенной фонд, наблюдать за процессами сохранения естественных плодородных сил почвы, стремиться засеять пустовавшие земли, организовывать просветительскую работу на местах, оказывать крестьянам практическую помощь и пр. Посевкомы подчинялись губисполкомам и Наркомзему. Для скрепления государственной вертикали хозяйственной помощи при сельсоветах создавались селькомы – крестьянские комитеты по улучшению сельского хозяйства, которые состояли из представителей отдельных дворов и хозяйств [16, с. 151-155].

Новым явлением в хозяйственной жизни страны в начале 1920-х гг. стала транспортная агрономия, созданная постановлением СНК от 7 февраля 1921 г. «О Центральном агрономическом управлении путей сообщения». Агрономические учреждения и организации, обслуживавшие транспортные и водные пути, переходили в единое ведомство – Центральное агрономическое управление при Наркомпуте как орган Наркомзема. Основная задача состояла в сельскохозяйственной и агрикультурной помощи «транспортному пролетариату», т. е. работникам железных дорог и водных путей сообщения, с тем, чтобы они осуществляли сельскохозяйственную эксплуатацию полос отчуждения и бичевников (тем самым обеспечивали себя продовольствием), попутно боролись с песками, оврагами, снежными заносами посредством насаждения деревьев и кустарников. Учрежденное управление должно было оказывать транспортникам и водникам практическую агрономическую помощь, а также вести широкую просветительскую деятельность. В своей работе оно руководствовалось

планами и инструкциями Наркомзема, ему же было подотчетно [6, с. 31-34].

Постановлением ВЦИК и СНК «О расширении прав крестьянских комитетов по улучшению сельскохозяйственного производства (селькомов)» 26 мая 1921 г. было дополнено постановление ВЦИК от 10 января 1921 г. «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». Этим распоряжением за селькомами закреплялись дополнительные функции по содействию в развитии крестьянских кустарных промыслов, сельскохозяйственной и промысловой кооперации, а также права участия в обсуждении в сельсоветах любых улучшений сельского хозяйства (переход к многопольному севообороту, улучшение лугов, земли и пр.); в проведении в жизнь всех постановлений посевкомов об улучшении обработки земли. Исполкомы и посевкомы всех уровней должны были принимать предложения и задания селькомов к исполнению и всячески содействовать их полной реализации [12, с. 192-194].

Единая государственная метеорологическая служба в РСФСР во главе с Главной физической обсерваторией была создана декретом СНК от 21 июня 1921 г. Она, как структурное подразделение Наркомата просвещения, руководила работой своих филиалов в Павловске, Екатеринбурге, Иркутске и Ташкенте, создавала сеть областных и губернских метеорологических бюро, организовывала свою научную деятельность, курировала деятельность станций других ведомств по геофизическим и иным наблюдениям. При Главной физической обсерватории было учреждено единое Бюро погоды. Для содействия метеорологической службы нуждам народного хозяйства при ней должен был состоять комитет из представителей заинтересованных ведомств. Они же могли ходатайствовать об открытии дополнительных метеорологических станций и бюро [7, с. 118-120].

Важнейшей задачей государства было радикальное решение проблем неурожая и постоянного продовольственного кризиса в стране. Власти было очевидно, что сельскому хозяйству необходимо было уделять повышенное систематическое внимание: не только брать от природы по максимуму, но и заботиться о восстановлении ее производительных сил. Такой вывод подтверждает принятое ВЦИК и СНК 25 июля 1921 г. по-

становление об учреждении нового специального органа власти – Федерального комитета по земельному делу [9, с. 42-45]. Этот комитет учреждался при Наркомземе для урегулирования всех вопросов, выходящих за пределы компетенций наркомата и полномочий правительства: разработка и наблюдение за реализацией мер по развитию сельского хозяйства, включавшие землеустроительные, мелиоративные, лесоустроительные, агрономические, колонизационно-переселенческие и другие земельно-технические мероприятия в масштабах страны; разработка и участие в рассмотрении проектов законоположений в сфере проведения аграрной политики правительства; сбор, систематизация и анализ информационных материалов о состоянии сельского хозяйства РСФСР. В его состав включались представители Наркомзема, НКВД, Наркомата по делам национальностей, ВСНХ, Госплана и всех автономных республик РСФСР. В своей деятельности Федеральный комитет по земельному делу должен был тесно взаимодействовать с СТО и его местными органами [8, с. 190-191].

Итак, законодательное регулирование экологических и отчасти демографических проблем объяснялось как жизненной необходимостью, так и определенным государственным видением направлений развития сельского хозяйства и создаваемых на его основе планов аграрных преобразований. Так, явное истощение почв вызывало к жизни предписания по поводу активных мелиоративных мероприятий и их централизации, или декреты, пропагандировавшие сохранение сортового зерна, закупку лошадей в Средней Азии и пр. А вот распространение кормового травосеяния, обеспечение крестьянских хозяйств сельхозорудиями и машинами, переселение избыточного населения на восток и юго-восток страны и другое были целенаправленной социально-аграрной политикой большевиков. Зачастую ее направления соответствовали и запросам самой экосистемы. На первых порах деятельность советского правительства во многом носила стихийно-непоследовательный и паллиативный характер. Некоторые декреты имели декларативный характер, другие – были законами реального действия, так не хватавшего политике дореволюционного правительства.

Советское правительство в первые годы своего существования столкнулось с огромным количеством государственных проблем, требовавших немедленного решения. Зачастую оно не имело матрицы действия в новых ею созданных политико-правовых и экономических условиях, поэтому ее мероприятия носили беспрецедентный характер как в масштабах страны, так и мира в целом. Партийно-властная элита нарабатывала опыт, в т. ч. и в сфере решения проблем природопользования и регулирования демографических процессов. Демоэкологические вопросы использования природных ресурсов в сельском хозяйстве, как следует из проанализированных материалов, решались попутно, заодно с земельным, продовольственным, посевным и пр. Из 107 выявленных документов 74,5 %, больше 2/3, содержали властные предписания по поводу землепользования, лесопользования и решения продовольственного кризиса как следствия неурожаев, и почти 5 % – регламентирования переселения и расселения голодавшего крестьянства центра России. Самостоятельного статуса демоэкологические проблемы еще не приобрели. Например, важнейшие вопросы рационального водопользования и водной мелиорации занимали лишь 3 % изученного законодательного массива.

Однако уже в 1910–1920-е гг. можно обнаружить тенденцию к их обособлению в государственной внутренней политике (законы о лесе, охоте, рыбных промыслах, централизации ветеринарного дела и метеорологической службы, создании мелиоративных товариществ и пр.). Примечательно, что законодательно закрепленные меры по улучшению ведения сельского хозяйства с опорой на научные данные, его рационализации и механизации, просвещению населения в области сельхоззнаний были позаимствованы большевиками из комплекса предложений, продуцированных еще дореволюционной научной, публицистической, творческой интеллигенцией, земцами, сельхозпрактиками и некоторыми государственными деятелями. В «царское» время их некогда было реализовать в полной мере: тогда успели учредить сеть опытных станций и полей, ввести мелиоративный кредит, лесоохранительный закон, разработать основы водоохранного законодательства начала XX в. и др. [17]. И

вот, они получили свое практическое воплощение в новых исторических условиях. При этом большевики вполне разумно пытались решить изучаемые проблемы путем усиления кадрового потенциала сельхозведомств и органов (это нашло отражение в 12 документах, или 11 % законов и предписаний).

На всех проанализированных нами законодательных актах, безусловно, лежит печать революционного времени и это определяло форму и, что немаловажно, содержание властных предписаний. Суровое время порождало жесткие (порой жестокие) решения. Совершенно очевидно, что насущными задачами были максимальное увеличение посевной площади с целью решения продовольственной проблемы, сдерживание населения в границах Центральной России для обработки земли и восстановления сельского хозяйства, вырубка лесов на экспорт без оглядок на возможные негативные последствия. Однако присутствовало и понимание пагубности таких мероприятий и необходимости сохранения и последующего развития рациональных основ сельскохозяйственного производства. При этом власть была уверена в том, что экологические проблемы подождут более подходящего для их регулирования времени (мирного, спокойного), главное было накормить армию, население, успокоить и направить их на достижение политических целей. Причем любой ценой. Вопросы разумного природопользования, как и в «царское» время, откладывались на потом, при этом заботясь о сохранении и приумножении старых кадров лесников, землемеров, техников, агрономов – всех тех, без которых оно было невозможно. Тем не менее, катастрофического восприятия демоэкологических проблем тогда не было. По крайней мере, в законодательных источниках оно явно не отражено.

Список литературы

1. Журавлев В.В. Декреты советской власти 1917–1920 гг. как исторический источник. М., 1979.
2. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957.
3. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964.
4. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 4. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968.

5. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 8. Апрель – май 1920 г. М., 1976.
6. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 13. 1 февраля – 31 марта 1921 г. М., 1989.
7. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 16. Июнь 1921 г. М., 2004.
8. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 17. Июль 1921 г. М., 2006.
9. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 18. Август 1921 г. М., 2009.
10. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 7. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М., 1975.
11. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 15. Май 1921 г. М., 1999.
12. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 10. Август–сентябрь 1920 г. М., 1980.
13. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959.
14. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 9. Июнь–июль 1920 г. М., 1978.
15. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 5. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971.
16. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 12. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. М., 1986.
17. Цинцадзе Н.С. История разработки «Водного устава» в предреволюционной России // В мире научных открытий. 2013. № 11.3. С. 189-194.
3. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 3. 11 iyulya – 9 noyabrya 1918 g. Moscow, 1964.
4. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 4. 10 noyabrya 1918 g. – 31 marta 1919 g. Moscow, 1968.
5. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 8. Aprel' – may 1920 g. Moscow, 1976.
6. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 13. 1 fevralya – 31 marta 1921 g. Moscow, 1989.
7. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 16. Iyun' 1921 g. Moscow, 2004.
8. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 17. Iyul' 1921 g. Moscow, 2006.
9. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 18. Avgust 1921 g. Moscow, 2009.
10. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 7. 10 dekabrya 1919 g. – 31 marta 1920 g. Moscow, 1975.
11. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 15. May 1921 g. Moscow, 1999.
12. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 10. Avgust–sentyabr' 1920 g. Moscow, 1980.
13. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 2. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. Moscow, 1959.
14. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 9. Iyun'–iyul' 1920 g. Moscow, 1978.
15. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 5. 1 aprelya – 31 iyulya 1919 g. Moscow, 1971.
16. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 12. Dekabr' 1920 g. – yanvar' 1921 g. Moscow, 1986.
17. Tsintsadze N.S. Istoriya razrabotki “Vodnogo ustava” v predrevolyutsionnoy Rossii. *V mire nauchnykh otkrytiy*, 2013, № 11.3, pp. 189-194.

References

1. Zhuravlev V.V. *Dekrety sovetsskoy vlasti 1917–1920 gg. kak istoricheskiy istochnik*. Moscow, 1979.
2. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 1. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. Moscow, 1957.

Поступила в редакцию 18.11.2015 г.
Received 18 November 2015

UDC 902; 94(470)

SOVIET POWER AND SOCIAL AND NATURAL PROBLEMS OF AGRICULTURE OF THE RSFSR IN 1910–1920S: EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION

Nina Sergeevna TSINTSADZE, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Doctoral Candidate of General and Russian History Department, e-mail: ninatsintsadze2010@yandex.ru

Based on the complete study of the published normative and administrative acts of the first years of Soviet authority (1917–1921) the peculiarities of the state power's perception of demographic and environmental problems in the Russian village at a turning point of transition from a traditional to an industrial type of society were studied. The analysis of more than a hundred revealed papers on the subject has allowed to evaluate objectively the Soviet government's level of consciousness and interest in the decision of demographic and ecological problems. Eventually, conclusions that there was no disastrous perception of environmental problems by the authorities, environmental issues of natural resources use in agriculture were resolved by the authorities with other agricultural issues. Demographic problems were not separate and were a part of social and economic policy. Immediate objectives were the maximum increase of the cultivated area in order to solve the food problem, restraining the population within the borders of Central Russia for cultivation and restoration of agriculture, felling of forests for export. Issues of reasonable environmental management, as well as in the “royal” time were procrastinated for later. In spite of that, in the 1910–1920s can be already found a tendency to separation of some environmental problems in the state internal politics.

Key words: Russia's later agrarian society; demographic crisis; environmental crisis; the decrees of the Soviet government; Soviet society.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-53-67